

Берне.-- Близость его къ нашей современности.-- Полное собраніе сочиненій Ибсена

Годы перелома (1895--1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство "Міръ Божій", Спб., 1908

[OCR Бычков М. Н.](#)

Среди европейскихъ писателей трудно найти другого, который былъ бы такъ близокъ русской современной литературѣ, какъ Людвигъ Берне. Не смотря на шестьдесятъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ того времени, когда Берне писалъ свои жгучія статьи противъ Менцеля и цѣлой плеяды нѣмецкихъ мракобѣсовъ, его произведенія сохраняютъ для насъ свѣжесть современности и жизненность, какъ будто они написаны только вчера. Его яркій талантъ и страстность, проникающая все имъ написанное, конечно, объясняютъ многое въ этой живучести, сближая читателя съ временемъ и людьми, о которыхъ идетъ рѣчь. Но среди современниковъ Берне были писатели не менѣе талантливые, которые, однако, далеко не такъ близки намъ, не говоря уже о вліяніи, оказываемомъ ими на читателей. Гейне, безспорно, и выше, и разностороннѣе по таланту, Гуцковъ глубже, но ни тотъ, ни другой не волнуютъ васъ, не вызываютъ любви или ненависти, не заставляютъ страдать, не заражаютъ своею страстью. Тайна такой исключительной жизненности Берне лежитъ въ его характерѣ, съ одной стороны, съ другой -- въ общественныхъ условіяхъ времени, когда писалъ Берне, и общности вопросовъ, которымъ посвящалъ свое исключительное вниманіе великій нѣмецкій публицистъ.

Основная черта его характера -- искренность, чарующая даже его враговъ и подкупающая читателя съ первой строчки. Чувствуется, что предъ нами не просто писатель, увлекающійся собственнымъ талантомъ, наслаждающійся процессомъ творчества, а человекъ, борющійся за дѣло жизни, выше и святѣе котораго для него не существуетъ. "Я никогда не стремился къ славѣ хорошаго писателя, -- говоритъ онъ, -- никогда не хотѣлъ считаться искуснымъ сочинителемъ. Моя природа возложила на меня священную обязанность, которую я исполняю, какъ могу. Мысли, слова -- мои орудія, которыми я дорожу до тѣхъ поръ только, пока они мнѣ нужны, и которыя бросаю, какъ только употреблю ихъ. Мое самолюбіе никогда не радовалось и не оскорблялось, когда кто-нибудь хвалилъ или порицалъ мои орудія; только своему дѣлу я желалъ видѣть надлежащую оцѣнку". Меньше всего онъ придавалъ значенія искусству ради искусства: "Искреннія чувства не нуждаются ни въ какомъ искусственномъ украшеніи, и честныя мысли, подобно Минервѣ, выскакиваютъ уже въ полномъ вооруженіи изъ головы своего отца". Въ статьѣ, посвященной книгѣ Гейне о Германіи, онъ подчеркиваетъ отрицательную сторону Гейне, объясняя, почему не считаетъ его настоящимъ писателемъ въ томъ смыслѣ, какъ выше говоритъ о себѣ: "Если бы Гейне, владѣя такимъ рѣдкимъ даромъ слова, отважился еще при этомъ сохранять въ себѣ способность заставлять другихъ уважать его независимость, способность имѣть свои собственные мнѣнія, чувства и мысли, обладать какимъ бы то ни было убѣжденіемъ, но убѣжденіемъ твердымъ и несокрушимымъ, сопротивляющимся порывамъ сильнаго вѣтра точно такъ же, какъ еще болѣе опаснымъ капризамъ легкаго эофира; если бы Гейне интересовался одобреніемъ только честныхъ и просвѣщенныхъ людей и сочувствіемъ своей собственной совѣсти, а не увивался бы день и ночь около всѣхъ торговцевъ громкими репутаціями, онъ былъ бы превосходнымъ писателемъ въ полномъ смыслѣ этого слова".

Самъ Берне вполне свободенъ отъ такого упрека. Его убѣжденіе, то, что онъ называетъ своею вѣрою, составляетъ для него все, и того же требуетъ онъ отъ своихъ противниковъ. Отсюда его беспощадная критика всяческаго лицемерія и равнодушнаго отношенія къ тому, что проворѣчитъ нашимъ убѣжденіямъ. Въ особенности достается нѣмецкимъ ученымъ, которые, исповѣдуя въ теоріи самыя высокія идеи, мирно уживались на практикѣ со всякой мерзостью. "Нѣмецкій ученый имѣетъ очень дешевую и удобную мораль... Нѣмецкій ученый либераленъ, добродѣтеленъ, справедливъ, гуманенъ, снисходителенъ; но всему тому, чего могутъ требовать свобода, добродѣтель, справедливость и гуманность, онъ, по его мнѣнію, оказываетъ достаточную услугу, когда объявляетъ разъ навсегда, что именно хорошо, справедливо и гуманно; послѣ этого онъ считаетъ себя христіански приготовленнымъ къ блаженнѣйшей смерти и говоритъ: dixi et salvavi animam meam. Но повторять это каждый день и каждый часъ, пока всѣ не услышатъ; но говорить это не только въ безмолвной, темной книгѣ, но и подъ открытымъ небомъ; но высказывать это на народномъ языкѣ и доказывать справедливость своихъ словъ